

Глава 1. Талантище

Зарик лежит и смотрит в окно. Зарик – сокращённое от «Зареслав». Этим именем наградила его мама. Решила, что так будет красиво. Мол, мальчик, славящий зарю. А по-моему, ерунда, думает Зарик. И в школе никак не могут привыкнуть. Ни дети, ни учительница. То Зореслив обзовут, то Зырислав, то просто Зырян. А то вообще – Зырик. От слова «зырить». Дескать, глаза большие, зырит на всех и на всё. Спасибо, очень по-доброму.

Зарик смотрит в окно. Ночь. Темно, а в темноте светятся лестничные площадки здания напротив. И там ходят тени людей. Вверх-вниз, туда-сюда. Слоняются тени по коридорам. Чёрные силуэты, чёрные лестницы. Своя загадочная жизнь. Но, может быть, в этом самом доме напротив тоже сейчас кто-нибудь лежит и смотрит в окно. И этому кому-нибудь тоже кажется. Что в доме Зарика ходят люди-тени. Вниз-вверх, туда-сюда. По жёлтому от света лампочек коридору. Ещё вчера была Москва, а сегодня уже его маленький, никому не известный северный, холодный всегда, даже летом, городок. В Москву Зарик поехал, потому что он – одарённый ребёнок. Нет, Зарик не сам себя так зовёт, это просто конкурс такой был. «Одарённый ребёнок» назывался. Туда приехали дети со всех городков области. Певцы, танцоры, музыканты, поэты, художники... Зарик тоже поехал. Мама ему сказала:

– Ты у меня талантище. Весь в маму. Обязан участвовать.

Особого талантища, Зарик считал, у него не было. Ну, голос громкий, это да. Петь любит. Даже соседи жалуются. Но так чтоб прямо на конкурс... Ну, он позанимался, конечно, с Михалом Ивановичем.

Глава 2. Карузо и Михал Иванович

Михал Иванович – солист местного военного ансамбля. Голос у него низкий-низкий, как у медведя. И потому ему очень подходит такое имя с отчеством. Михал Иванович – это звучит гордо. Не то что какой-то Зарик.

Зареслав приходил к Михаилу Иванович заниматься. Прямо в военную часть. Рядом с частью всё время какая-то бабушка торчит. Вся закутанная с ног до головы, только сморщенное личико. Кормит голубей булкой. Голуби налетают как ненормальные, чуть не на голову ей садятся.

Зарик долго мается на морозе, ожидая, пока педагог освободится. Или пока часовой, который часть охраняет, обратит на Зарика внимание. И спросит грустно:

– Парень, чего тут крутишься? Военные секреты хочешь стыбрить?

– Н-н-н-е хочу, – отвечает Зарик, дрожа от холода. – Я тут з...з...занимаюсь. Пением.

– Тут чего тебе, музыкальная школа?... – печалится часовой.

– Да нет, я у Михала Ивановича.

– Разберёмся, – бурчит часовой, звонит кому-то. По какому-то прибору. Потом поднимает глаза на Зарика:

– Жди.

И Зарик снова ждёт. А с крыши будки часового свешиваются большие сосульки. И, кажется, скоро от холода Зарик сам превратится в сосульку.

Наконец, к воротам подходит огромный Михаил Иванович.

– Ну, здравствуй, Карузо! – басит он так громко и низко, что голуби, клюющие хлебные крошки, удивлённо поднимают головы. Кажется, будто бас у него на морозе становится ещё гуще. А у Зарика, наоборот, совсем уже пропал голос от такой холодины собачьей.

Он идёт за Михалом Ивановичем в концертный зал, где в углу сцены стоит рояль. Михаил Иванович грузно садится за рояль, пробегает пальцами по клавишам, туда-сюда. Разыгрывается.

– Ну-с, Карузо, запустим гаммочку для разогреву! – гремит он так, что колышется занавес. – На «а».

– А-а! А-аа!! А-ааа!!! А-аааа!!!! – тянет Зарик выше и выше.

– Теперь на «и».

– И-и! И-ии!! И-иии! И-ииии!!!!

– Не «йи!» – кричит Михаил Иванович. – Не «йи!» Просто «и»! Сколько раз повторять!

Поют они долго. Пока у Зарика не начинает кружиться голова. Потом он даёт Михалу Ивановичу триста рублей за урок и идёт восвояси.

– Отпел? – грустит часовой.

– Да, – отвечает Зарик неожиданно густо. И очень радуется. Значит, появляется «тембр», тот самый, о котором ему каждое занятие твердит Михаил Иванович:

– Ты почувствуешь, когда это произойдёт по-настоящему. Вот так будешь петь, петь, заниматься, и на высокой ноте вдруг – ррраз! И – как будто окно распахнётся. Это и будет тембр.

Глава 3. Чтобы успокоиться

И так Зарик занимался, занимался, а потом поехал на фестиваль. Ехал в поезде целый день, с Аней и Ниной. И их баянистом. Аня и Нины тоже были одарённые дети. И тоже пели. Баянист был мамин знакомый. На перроне мама сказала:

– Передаю вам, товарищ Пестрецов, своего отпрыска. Следите, чтоб не пил и не гулял. Он должен победить.

Всегда мама так шутит. «Не пил, не гулял». Зарику всего-то тринадцать. Ну, однажды, конечно, было дело. Немножко выпил. Но это он очень волновался. В школе тогда был концерт к Первому сентября. И Зарик должен был солировать в песне «Когда уйдём со школьного двора».

За кулисами от страха он стоял весь зелёный, по словам очевидцев. Шутка ли. Первое серьёзное выступление.

И тогда старшеклассник, ведущий концерта Серёжа Потехин, предложил ему:

– Квакни.

Зарик не понял:

– Чего?

– Ну, квакни.

– Ква, – удивлённо сказал Зарик.

– Лопух, – заметил Потехин. – Ну, клюкни. Выпей, то есть.

– Как выпей?

– Ртом! – разозлился Серёжа. – Вот, держи. Сразу полегчает.

И, оглянувшись по сторонам, осторожно достал из-под пиджака бутылочку с чем-то тёмным и протянул Зарику.

Зарик отказался. Но, чем ближе подходил момент его выступления, тем

становилось страшнее. И когда Зарик увидел, как хор, в котором он сейчас должен будет солировать, суетливо собирается на изготовке, он неожиданно для себя подошёл к Потехину и твёрдо сказал:

– Где водка?

Это была не водка, но всё равно что-то противное. Зарик хлебнул и поперхнулся. И убежал за сцену откашливаться. Во рту было очень неприятно и вообще как-то... странно всё стало. И не сказать, что Зарик сильно успокоился. Видно, мало выпил, подумал он и, решительно вздохнув, влил в себя ещё немного из бутылочки.

По телу пошли колоться иголки. Стало вдруг не то что не страшно, а как-то всё равно. И вот Потехин объявляет:

– Дорогие учителя! Для вас поёт сводный хор средних классов. «Когда уйдём со школьного двора!» Солист – Зра... (Ну вот, даже он запнулся, увидев в сценарии такое имя!) Зар... Зареслав Абашев!

Зал захлебнулся аплодисментами. Вышел хор, распределился по центру сцены. За хором, пошатываясь, вышел Зарик.

Как пел – не помнит. Помнит только, что сильно всё гудело. И в зале, и у него в голове. А потом пришёл домой и провалился в сон. И утром проснулся с огромной головой. Очень болевшей. Голова болела весь день, и на душе было очень неприятно. И Зарик решил, что пить больше никогда не будет.

Тем более сейчас, на конкурсе «Одарённый ребёнок».

Глава 4. Концерт по заявкам

И вот они с Аней, Ниной и баянистом сели в поезд и поехали. Аня и Нина всю дорогу репетировали с товарищем Пестрецовым. Он на баяне играл, а они пели. А соседи по вагону слушали. И аплодировали.

Тогда Зарик тоже решил спеть. Подумал, страх не страх, а тренироваться надо. На публике, как говорила мама. Может, и ему поаплодируют. Он спел «Когда уйдём со школьного двора», и песню «Малыш», от которой мама всегда плакала, особенно на словах: «Поднимает мать сынок на руках под потолок». Ему тоже похлопали. А одна старушка даже прослезилась. Тут худой, весь костистый, мужчина в тельняшке спросил:

– Парень, а Высоцкого знаешь?

Зарик немножко знал. Потому что у мамы был такой диск. И, когда к ней приходили друзья с работы, они слушали этот диск и пили водку. И курили так, что Зарик закашливался.

– Знаю, – гордо сказал Зарик и, стараясь посильнее хрипеть и басить, затянул на весь вагон:

Вдоль обрыва, по-над пропастью,
По самому по краю
Я коней своих нагайкою
Стегаю, погоняю...

Зарик пел всё громче и громче, заглушая иногда даже грохот вагонных колёс. Когда он, наконец, закончил, вагон долго молчал. Потом к Зарику подошёл костистый в тельняшке, достал из кармана штанов сто рублей и протянул:

– Держи, парень. Держи. Купи себе что хочешь, только это... Больше никогда

не пой. Особенно Высоцкого.

Но Зарик почти не обиделся. Мама говорит, что «публика – дура». И он понял, что этот мужчина тоже, наверное, дурак. К тому же денежки пригодятся. А петь он на конкурсе будет не для таких костистых хамов, а для понимающих.

Глава 5. Кто желает познакомиться?

А откуда мама знала про публику? Она всю жизнь мечтала работать в театре. И даже почти поступила в театральный институт. Но ей сказали: нет органики. Мама обиделась и поступила в областное училище культуры, а потом пришла работать в городское культурное управление.

Сперва всё было хорошо, мама много ездила с концертами по всяким посёлкам и тундрам, даже на вертолётах к оленеводам летала. Читала им разные антиалкогольные стихи. Чтоб не пили. Вот, например, такие:

Баянист был очень пьян,
Растянуть не смог баян.
Два помощника в момент
Разорвали инструмент.

Зарик, когда в первый раз услышал этот стишок, от смеха свалился с кровати. А оленеводы почему-то не смеялись. Слушали обычно молча, задумчиво. Может, у них не было чувства юмора. А может, это потому, что они не знали русского языка.

В общем, всё было неплохо. А потом постепенно становилось хуже и хуже. «Культура в упадке», – качал головой мамин начальник, Фёдор Александрович. Концерты оленеводам стали не нужны, Дома культуры на посёлках закрывались. Потом стали закрываться и сами посёлки. И городские концерты проводились всё реже и тише.

А ещё потом маме перестали платить зарплату. То есть, не только маме, а вообще всем. Такое было тяжёлое время.

И тогда мама погоревала-погоревала, и решила подрабатывать в клубе знакомств. Она просто всегда была в поиске любви, и сначала искала любовь одна. А потом решила, что, если она ищет, может, и ещё кому-нибудь надо. Так в городе появился клуб «Надежда и компания». На самом деле маму звали не Надежда, а Марина. А Надеждой она решила назваться специально. Чтобы одинокие люди, желающие познакомиться с кем-нибудь, видели, что тут, в клубе, вполне себе есть надежда. И компания.

Мамин клуб проводил свои заседания в кинотеатре «Родина». Туда приходили знакомиться разные женщины и мужчины. Играл местный ансамбль «Восьмая нота». Пили чай и немного пиво. Танцевали. И мама там тоже наконец познакомилась. Привела домой Анатолия Степановича. Анатолий Степанович был высокий и, наверное, красивый. Но всё время пил водку. И мама с ним тоже потихоньку стала выпивать. Зарику это очень не нравилось, но что поделаешь.

Анатолий Степанович был военный в отставке. Речь у него трезвого была мрачной и отрывистой. Когда же напивался, голос становился тонким, почти детским. И некоторые буквы специально не выговаривались. Например, капризно обращался к маме:

– Ну фто? Ну фто, тыковка моя? Тыква ты, яфно?
«Яфно» – означало «ясно».

Глава 6. Конкурс и последствия

Анатолий Степанович тоже был на вокзале, провожал Зарика вместе с мамой. Пьяный и шепелявящий. Но обращался к Зарику почему-то на «вы»:

– Ну фто, Варевфлав, вы уж всех их там рафтолкайте! И первое мефтечко фтоб было, яфно? Ааа?

И это «ааа» было тоже таким детским и дурашливым.

А поезд приехал в большой город. И был конкурс. И Зарик занял третье место. И получил грамоту и диск «Звёзды мировой оперы». А Аня и Нина ничего не заняли. И товарищ Пестрецов утешал их, мол, это только первый шаг. Но девчонки всё равно весь вечер ревели, а товарищ Пестрецов всё играл на баяне, чтоб заглушить их рёв, и вообще было очень шумно. Но зато победителей ждал главный приз – поездка в Москву. И вот только вчера Зарик вернулся из столицы. Полный впечатлений.

И вот уже давно пора спать, а он всё лежит и смотрит в окно. И ходят в доме напротив тени-люди. И чернеют лестницы в жёлтых коридорах.

Там была девочка. Много было разных других девочек, и художниц, и музыкантш, и танцовщиц... И все одарённые. Все победители. Но эта была совсем особенной. Кремль, царь-пушка, всякие музеи и даже концерт известного пианиста в Большом зале консерватории – всё как-то отошло на второй план.

На конкурсе он почти не помнил этой девочки. А в Москве вдруг разглядел. Она была в белой шубе, рыжая и с большими пушистыми ресницами. Такими большими, что на них всё время лежали снежинки. И, когда улыбалась, была похожа на лисичку.

Однажды вечером в гостинице она села за рояль, стала играть и петь. И он смущённо подошёл к ней, и стал за спиной подпевать.

А она удивлённо обернулась, но не прервала. И стали петь вместе:

Как жизнь без весны, весна без листвы,
Листва без грозы, и гроза без молнии,
Так годы скучны без права любви.
Лететь на призыв или стон безмолвный твой...

Потом Зарик забыл слова, и она снова удивлённо оглянулась на него: почему, мол, замолчал.

И теперь он лежит и думает об этой девочке.

Как её звали? И из какого она города? Вот бы найти в Контакте!

Тут Зарик вспомнил про каталог. Их, когда собирали в поездку в Москву, попросили сдать сведения для каталога молодых талантов. Это такая специальная книжечка. Кто откуда, и где родился, и кто чего уже добился. Зарик спрыгнул с кровати и, ёжась от холода (батареи в комнате греют еле-еле, мама всё никак не соберётся поменять, говорит: «Мне в холодной землянке тепло!» и смеётся.)... Да, и, ёжась от холода, Зарик включает в

телефоне фонарик и ищет на столе каталог среди учебников и тетрадок.

А вот и он!

Зарик листает, читает имена и фамилии... Вдруг «Вероника Красина» обожгло его. Почему-то он сразу подумал, что это она. Но – надо проверить! Открыл «Контакт», набрал в поиске, ввёл город... Да, точно. Вот она на фото. Рыжая и в очках. Улыбается у белого большого фортепиано. Лисичка. Последний раз была онлайн вчера в 21.18. Эх... Была не была.

Зарик пишет:

«Привет. Помнишь меня?»

Теперь надо отправить. А страшно... И чего бояться? Не помнит так не помнит. Может, так даже и лучше. Нет, почему лучше. Нет, вообще глупость какая-то. Что за «помнишь меня»? Просто – заявку в друзья. Если добавит, значит, и так понятно, что помнит. А там разберёмся, думает Зарик, и, решительно вздохнув, нажимает на «Добавить в друзья». Кладёт телефон рядом и ещё долго потом лежит в темноте, смотря на дом напротив, где, несмотря на позднюю ночь, всё ходят и ходят вниз-вверх тени-люди по жёлтым лестничным площадкам.

Глава 7. Сбылось

Утром Зарика будит звук телефона. Оповещение. Он распахивает глаза, хватается телефон – «Вероника Красина приняла вашу заявку в друзья»! Сердце Зарика сжимается. Он вскакивает, радостный. На столе записка от мамы:

«В холодильнике – яйцо.

Съешь и будешь молодцом.

Две котлеты тоже есть.

Тоже можешь их ты съесть.

Есть конфета, есть и чай.

Зареславчик, не скучай!»

Мама любит оставлять записки в стихах. Творческая личность. Может Зарик и правда в неё, раз такой творческий тоже. А в кого ещё-то?

Зарик умывается, завтракает, одевается и убегает в школу. По дороге всё смотрит в телефон, всё проверяет, как там Вероника. Не написала ли чего. Но она молчит. И снова не онлайн. Наверное, тоже идёт в школу. Только в телефон не смотрит.

В школе Зарик весь день как на иголках. Улыбается как дурачок, всё время с кем-то громко болтает, в кого-то кидается бумажками. И всё время смотрит в телефон. Наконец Ольга Викторовна почти выгоняет его из класса. Но в последний момент передумывает: в школе сегодня проверка, и не надо, чтобы по коридору бегали выгнанные ученики.

Валера Юрченко даже спрашивает его:

– Ты что, с ума сегодня сошёл?

Нет, друг Валера, не понять тебе Зарика. Не творческий ты человек. И никогда не любил.

И Катя Славянова смотрит весь день большими глазами. А чего смотреть. Не пересмотришь. У Зарика глаза ещё больше.

Из школы он бежит сломя голову. Так, что возле дома наконец спотыкается и красиво растягивается на снегу. Портфель улетает куда-то далеко.

– Эй, малчик, всё харашо? – кричит из окна сосед, рыночный торговец Камал.

– Да!! – вскочив, кричит Зарик, бежит за портфелем, хватает его в охапку и влетает в парадную.

Теперь они с Вероникой переписывались. Она присылала ему в Контакт музыку – записи своей игры на фортепиано, а он ей – своего пения. Каждый вечер приходил из школы и скорей:

– Привет!

– Привет), – отвечала Вероника.

– Как дела в школе?

– Математичка задолбала, а так ничего.)

– Ух, меня тоже математичка))

– Братья по несчастью)))

– Точнее, брат и сестра)))

Потом она ему – ноктюрн, а он ей – про Дон-Кихота песню. Так вечер и пройдёт. И, ложась спать, писал ей:

– Пока! Сладких снов.

И – какой-нибудь смайлик забавный присылал.

И она ему:

– И тебе сладких.

И тоже смайлик.

Он всё хотел как-нибудь написать в конце «Целую» или «Обнимаю», но не решался. И она, наверное, тоже не решалась.

В общем, всё было здорово. Только учился Зарик всё хуже. Любовь мешала. Не только математичка, но и другие учителя недовольны были. Сплошные двойки да тройки пошли.

Однажды мама пришла домой с собрания и сказала, что ей было очень стыдно за Зарика. И что пение – это хорошо, но надо и другими предметами заниматься. А то на второй год оставят.

Зарик очень переживал, но ничего не мог с собой поделаться. Ни о чём, кроме своей любви, думать не мог. В школе стал совсем рассеянный. Валера Юрченко, которому, не выдержав, Зарик недавно поведал о своей страсти, так ему и сказал:

– Чокнешься ты из-за девчонки. А зря.

И Катя Славянова смотрела всё пристальней. И глаза её были всё больше.

Глава 8. Молчание – знак несогласия

И был конец четверти, и были четвертные оценки. И мама говорила Анатолию Степанычу, чуть не плача:

– Он меня в могилу загонит. Я уже одной ногой в могиле. Ну что это такое: русский – «три», математика – «три», там – «три», сям – «три»... Только музыка – «пять». Будет музыкальным дворником.

А Анатолий Степаныч, как обычно, пьяненький, глядел на Зарика прищурившись и, грозя пальцем, дурашливо говорил:

– Аааа? Это фто такое, Варифлав? Фто такое? Тыковка моя расстраииваетфя, аааа! Фто ж вы мамочку так не уваваете? Собакевич вы, яфно вам?

И все осенние каникулы мама ходила расстроенная, а Анатолий Степаныч пил и дурачился со своим «Аааа!»

И Зарик расстраивался всё больше, и по целым дням переписывался с Вероникой.

А потом Вероника вдруг пропала. То есть не со всем пропала. Онлайн-то она была, но перестала отвечать. Он ей – и «привет», и «как дела?», и «что делаешь?», а она молчит и всё тут. То откроет сообщение, то нет... Но, главное, молчит. И Зарик стал думать, что с девочкой что-то случилось. Серьёзное. И он тогда ей написал:

«Не молчи, напиши хоть что-нибудь, я же переживаю!»

Но она и тут промолчала.

И началась новая четверть, и Зарик сидел на всех уроках грустный, и в первый же день схлопотал две «пары» в дневник, по математике и истории.

Математику он не знал, как решать. А историю не знал, как рассказать. Валера Юрченко с сочувствием глядел на него. А у Кати Славяновой, казалось, вообще выпадут глаза.

И пришёл Зарик домой мрачнее самого мрачного буки.

Мама, вернувшись с работы, первым делом попросила дневник. Зарик, вздохнув, обречённо подал. И, увидев «пары», мама склонилась над дневником и затрясла головой. И плачущим голосом сказала:

– Ты всё-таки загонишь меня туда, куда загонишь. Сын-убийца.

И подняла лицо. Лицо было не в слезах, просто какое-то мутное. И пахло от мамы, как от Анатолия Степаныча – алкоголем. И у Зарика стало так тяжело на душе, хоть в окно прыгай. Даром что первый этаж.

А тут вышел из спальни Анатолий Степаныч, увидел это дело и запричитал:

– Аааа! Сыночек мамочку в могилку вгоняет! Тыкофку мою, кочепыгу...

Кочепыжечку... Аааа, фто вз это такое? Варефлав, вы не правы, аааа! Тыкофка, не плачайте, вам яфно, яфно?

Но мама всё трясла головой пьяно, а Анатолий Степаныч всё аааакал, и тут Зарика пронзило его одиночество. Была одна Вероника, да и та пропала.

Ничего с ней не случилось, наверное. Просто надоел. Всем надоел.

Бесполезный. И двоечник. Что толку с его пения, кому оно надо. Вот и тембр никак не откроется, про который Михал Иванович говорил... Что толку заниматься?

А мама тряслась всё сильнее, и Анатолий Степаныч кричал всё громче, и Зарик подумал, что, может, если он очень хорошо и искренне извиниться, то есть ещё шанс.

И он неожиданно для себя вдруг встал на колени и сказал:

– Простите ме...

Но не договорил почему-то. Не смог дальше говорить. Какая-то сила вдруг швырнула его на пол. И стала бить головой об пол. И стала кричать из его горла. Дико так, страшно кричать.

Потом Зарик ничего не помнил.

А потом помнил, как сидел на диване, изо рта что-то текло, а мама и Анатолий Степаныч держали его с двух сторон, и лица их были белые и перепуганные.

Глава 9. Творческие люди

Так Зарик начал падать. Это могло произойти в любой момент, и в школе даже один раз произошло. Он лежал и бился о холодный школьный пол, и кричал так страшно, что даже доблестный физрук Карен Ефимович не сразу решился к нему подойти.

И Зарика отвели в медкабинет. И вызвали с работы маму. А мама пришла снова с этим противным алкогольным запахом и, плача, побожилась, что завтра же отведёт Зарика к доктору.

Доктор говорил медленно и спокойно, от его голоса хотелось спать. Настоящий успокоительный врач.

– Нееервнось, псиинииихка... – тянул врач.

– Он у меня одарённый ребёнок, – грустно, но гордо вставила мама.

– Ооооо... Поняаяятненько... Поняаяятненько... – Врач внимательно смотрел на Зарика. – И чем же одарён молодой человек?

– Он у меня певец.

– Певееец... Чуууудненько...И что исполняете?

Зарик долго говорил с врачом; а врач с Зариком.

А потом врач попросил его выйти из кабинета, а сам остался там с мамой.

И Зарик вышел и прислонился к двери, и услышал из-за неё, как доктор говорил маме:

– Эпилеееепсия, мамаша, болеееезнь творческих людеееей... Пропишем таблеееееточки, пусть принимааает. А я вам говорюююю не как психиатр, а как наркооолог: пить, мамаша, надо вам бросааааать... Тем более с таким нервным маааальчиком...

Шли с мамой домой от доктора, держась за руки. У подъезда мама поправила на Зарике шарф, посмотрела нежно, заслезилась опять вся и сказала:

– Вгонишь ты меня в могилу. И Толик вгонит. Уже я двумя ногами там.

«Привет. Ты мне всё не отвечаешь и не отвечаешь. А я заболел. Эпилепсия у меня. И надо таблетки принимать. Напиши хоть два слова, хоть одно слово. Если ты больше не хочешь со мной разговаривать, если я тебе надоел, так и напиши, только молчать не надо. Молчать это хуже чем самая страшная правда. Напиши, я прошу тебя. Очень прошу».

Сообщение отправлено Веронике Красиной.

Глава 10. День учителя будет супер!

В школе Зарик почти ни с кем не дружил. Как-то не складывалось. Ну, разве только Валера Юрченко. Но с Валеркой тоже никто не дружил. Вот они с Зариком и подружились.

Зарику многие завидуют просто. Смеются. Мол, Басков ты наш. А какой Зарик Басков? Они только одним похожи: над Басковым тоже смеются.

А тут ещё конкурс «Одарённый ребёнок» показали по местному телевидению. И Зарика показали, конечно. Как он пел про Дон-Кихота. В воскресенье показали, а в понедельник Зарик вошёл в класс, а ему хором: «Бра-во, звезда!» Издевательски так. Только Валера Юрченко не кричал. И Катя Славянова. Катю тоже жалко. Она на скрипке учится в музыкальной школе. И над ней

девчонки тоже посмеиваются. Мол, пиликалка.

А тут пришёл в школу новый педагог. Дополнительного образования. Он в местном театре работает, зовут Павел Олегович. Он у них театральный кружок теперь ведёт. А сейчас День учителя ставит. Торжественный концерт. Пришёл к ним в класс и говорит:

– Ольга Викторовна, позвольте прервать ваш урок буквально на пять минут.

Ольга Викторовна недовольна, конечно, но позволила. Всё-таки он тоже педагог, хоть и артист.

– Грядёт День учителя! – говорит Павел Олегович весело. – У кого какие таланты, жду завтра после уроков в актовом зале. Будем собирать программу. Ну, у Зарика талант пения, у Кати Славяновой – талант скрипки, у Валеры Юрченко – талант... эээ... Валера ещё не решил, какой у него талант, но что-нибудь придумает. Уж очень ему хочется с ребятами в концерте поучаствовать. Всё-таки вся школа придёт смотреть. И сам директор, Роман Григорьевич. Назавтра еле дотерпели до конца уроков, пошли в актовый зал. А там народу! И учителя, и дети... Из всех классов. И каждый свой талант демонстрирует. Один фокусы показывает, другая танцует что-то акробатическое, третий рожи корчит очень смешно, четвёртая стихи читает собственного сочинения. Долго ждали Зарик и товарищи. Наконец и до них очередь дошла.

– Как звать? – спрашивает Павел Олегович.

– Зареслав.

– Ого! Какое имя! Впервые слышу. Прямо сценическое. Очень хорошо. И что же ты нам продемонстрируешь, За... эээ.. Зареслав?

– Песню...

– Внимаем!

И вышел Зарик на сцену, и запел. Ту самую песню запел, которую пели они тогда с Вероникой:

Как жизнь без весны, весна без листвы,
Листва без грозы, и гроза без молнии –
Так годы скучны без права любви.
Лететь на призыв или стон безмолвный твой.

Поёт, думает про Веронику, и про то, как она пропала, и слёзы чувствует.

Земля, где так много разлук,
Сама повенчает нас вдруг...

В общем, красиво получилось. Даже старенькая учительница географии Любовь Леонидовна в зале прослезилась, Зарик сам видел. И Валера Юрченко потом подтвердил.

– Душечিপательнo, – похвалил Павел Олегович. – Немножко грустно для праздника, правда. Может, что весёлое знаешь?

Зарик подумал-подумал, и запел:

У дедушки за печкою компания сидит,
И, распевая песенки, усами шевелит.
Поужинали дружно и ложатся на бочок
Четыре неразлучных таракана и сверчок!

Эту песню ему мама пела. Там эти самые четыре таракана и сверчок всячески издевались над дедушкой. Он уже и так, и эдак. И ядом их травил, и динамитом взрывал, и даже в Антарктиду убежал. А они всё равно всегда рядом с ним, живые и здоровые. Ещё и подмигивают старичку весело.

В общем, забавная песенка. У старенькой учительницы географии Любовь Леонидовны даже слёзы высохли. Зарик сам видел, и Валера Юрченко подтвердил.

– Отлично! – улыбается Павел Олегович. – Это и споёшь, Зра... За... Как тебя, прости?

– Зареслав.

– Вот-вот. Он самый.

Потом Катя Славянова демонстрировала свой талант. Она скрипку специально принесла. Вышла на сцену и стала играть. Украинскую народную песню «Прилетай, прилетай». Тихо так. Стеснялась, наверное. И всё время сбивалась.

– Ну что ж, поработаешь немного, и вполне можно будет выступить! – говорит Павел Олегович.

Тут вмешалась Елена Витальевна, завуч по воспитательной работе.

Встала и говорит громко так:

– А по-моему, ничего она не сможет! Еле по струнам возит. Зачем нам такой позор на Дне учителя, Павел Олегович? У нас завучи будут, директор. Сам мэр, может, придёт. Я, как ваш непосредственный начальник, настоятельно рекомендую Славянову в концерт не включать!

– Елена Витальевна, вам что важнее? – спрашивает Павел Олегович тоже громко так. – Чтобы, извините, начальству понравилось? Или чтоб ребёнок выступил? Вон, до слёз довели человека.

А Катя Славянова и правда стоит на сцене, скрипку опустила, и голову опустила, а из больших глаз текут большие слёзы.

– Павел Олегович, кто тут главный, я или вы? – кричит Елена Витальевна.

– Вы главный. Но вы же историк, насколько помню. В музыке не разбираетесь. А я немножко разбираюсь. И уверяю вас: у девочки талант, просто она немного растерялась.

– Ничего себе немного! А если она на концерте так растеряется? Тут директор, там мэр, а она раз сбилась, два сбилась... Скажут: что ж это у вас такой отбор плохой? Может, вы и вообще с детьми не умеете работать? Может, вы и без дофинансирования не надо?

От этого страшного слова «дофинансирование» Катя совсем разревелась, уже в голос.

– Достоевский говорил: «Весь мир не стоит одной слезинки ребёнка!» – Павел Олегович вскочил, руками машет. – А вы ради своего финансирования готовы в детских слезах всю школу утопить!

В общем, долго они так ругались. Наконец Елена Витальевна крикнула пронзительно:

– Делайте что хотите, а я умываю руки! – и выскочила из зала, и дверь хлопнула. Руки умывать пошла, наверно.

А Павел Олегович говорит заплаканной Кате:

– Успокойся. Позанимайся ещё. Неделя впереди. Выступишь, всё хорошо будет. Главное, поработай... Ко всем относится, кстати! Нам и правда нельзя ударить в грязь лицом. Такой день. День учителя. Святой праздник. Есть ещё кто?

Валера Юрченко скромно вперёд выступил и говорит:

– Я ещё есть...

- А у тебя какой талант?
- Валера задумался.
- Долго так думал.
- Наконец Павел Олегович не выдержал:
 - Давай ты ещё подумаешь, до;ма, а завтра мне скажешь.
 - О! Вспомнил! – обрадовался Валера.
 - Ну?
 - У папы есть гитара, я могу её принести!

Глава 11. Позабыт, позаброшен

Всю неделю после уроков Зарик с другими ребятами ходил в актовый зал репетировать День учителя. Петь получалось лучше и лучше. Только тембр никак не шёл, «окошко» не открывалось. Но в целом ничего. И Катя со своей скрипкой всё ходила и играла. И вроде тоже ничего стало получаться.

Вечером перед концертом, придя из школы, Зарик по привычке зашёл на страницу Вероники, и решил снова ей написать. Стал писать, что завтра будет участвовать в концерте ко Дню учителя, будет петь их песню, а потом смешную, про тараканов. И, может, она тоже будет там, в своём городе, играть на фортепиано на концерте ко Дню учителя? И может даже – тоже их песню? Вдохнул глубоко, решительно, отправил сообщение – и снова стал смотреть страницу Вероники.

И вдруг увидел там новые фотографии.

На этих фото рядом с Вероникой всё время был какой-то мальчик. Очень красивый, наверное. Не маленький и большеглазенький как Зарик, а такой – стройный и с длинными волосами. И с красивыми руками. С длинными пальцами. Пианист, наверное, тоже. И везде этот мальчик был рядом с Вероникой. А она, рыжая, смотрела на него таким восхищённым взглядом, и улыбалась хитренько, как лисичка...

Зарик смотрел на эти фото и холодел. А потом увидел статус Вероники: «Влюблена». Ооо, зачем он отправил ей это дурацкое сообщение про День учителя? Дурак, дурак, дурак!!! Как стыдно. Она и забыла о нём давно уже, и о той песне про жизнь без весны, а он... Он почувствовал, как снова та страшная сила накатывает, чтобы шлёпнуть им об пол, и побежал на кухню – к холодильнику, где лежали таблетки.

Потом вернулся к себе в комнату, схватил телефон, вдохнул решительно – и удалил Веронику из друзей. И, рассасывая таблетку, лёг на кровать и попытался успокоиться. И заснуть. Почти получилось. Но потом ещё подумал, встал, снова взял телефон, нашёл страницу Вероники, нажал на «Заблокировать». Опять лёг, и теперь уже почти успокоился. Только слёзы сами по себе лились и лились. Пока не уснул.

Глава 12. Бурные аплодисменты

И было утро, и был День учителя. Павел Олегович пришёл нарядный, в пиджаке. А то всё в свитере с ёлочками ходил. И Валера Юрченко гитару притащил папину, хоть его и не просил никто. А Катя Славянова – скрипку. А

Зарик всё утро дома распевался, распевался, так, что мама, наконец, не выдержала и простонала:

– И так башка трещит, так ещё и ты в могилу вгоняешь.

И Анатолий Степаныч подтвердил:

– Варефлав, вы... это... вы тово! Мамочку берегите, у мамочки головочка болит. У тыковки моей. Вам яфно, яфно?

Зарик тогда скорее позавтракал, чем нашёл в холодильнике, и побежал в школу.

Уроков почти не было. Потому что День учителя – такой уж день. Все занятия вели сами ученики. Старшеклассники. А учителя сидели в учительской, пили чай с тортом и пускали самолётики. Вроде как – они теперь дети, а дети теперь – они.

Но, конечно, никаких уроков толком не получилось. Старшеклассники – разве они могут нормально занятия вести? Балуются хуже малышей. Один сел на стул за учительский стол, и говорит так важно:

– Ну, что вы там вчера проходи...

Но не успел доспросить, потому что другой старшеклассник вбежал в класс, схватил стул вместе с товарищем и радостно выкатил его из класса. Стул был на колёсиках.

Потом старшеклассница пришла, из 10 «Б», местная красавица, Ирочка Сошникова. Ну, все мальчишки на неё и уставились. А девчонки вместо того, чтобы отвечать урок, стали спрашивать, чем она красится и где стрижётся. И что вообще может посоветовать в плане красоты.

В общем, ни математики не вышло, ни русского, ни истории, ничего. Так, балаган какой-то. А учителя в учительской всё пили чай и пускали самолётики. Но, наконец, уроки (если их можно так назвать) закончились. И все побежали в актовый зал на концерт.

Там было красиво. Сцена такая нарядная, вся в шариках и в картинках. И большой плакат сверху – «С Днём учителя!». Это Саша Коротаев рисовал, школьный художник. Его всегда просят, когда надо что-нибудь изобразить. Рисует он хорошо, а с русским языком у него неважно. И поэтому плакат, было видно, подтёрт кое-где. То есть Саша сперва, видимо, написал «С Днём учителия!» А потом поправил. Когда на ошибку указали.

И вот расселись учителя и ученики, и стали ждать директора.

Так Елена Витальевна приказала, завуч по воспитательной работе.

Вышла на сцену и говорит:

– Дорогие учителя и дети, ждём Романа Григорьича. Пока Роман Григорьич не придёт, не начинаем! А так – готовность номер один.

Рядом стоял Павел Олегович и морщился.

Но вот, наконец, зашёл в зал директор Роман Григорьич, и раздались бурные аплодисменты.

Елена Витальевна быстренько согнала с первого ряда первоклашек и торжественно говорит:

– Садитесь, Роман Григорьич. Дайте себе отдых, наконец.

Роман Григорьич что-то на ухо Елене Витальевне сказал и сел.

Тогда Елена Витальевна выскочила на сцену и говорит в микрофон:

– А теперь ждём нашего любимого мэра Игоря Леонидыча! Пока мэр не придёт, не начинаем! А так – готовность номер один.

Тогда Павел Олегович подошёл к другому микрофону и говорит голосом Елены Витальевны:

– А когда придёт мэр, будем ждать президента! Пока не придёт, не начинаем! Готовность номер один!

И все как захохочут в зале. И Роман Григорьич тоже. Всё-таки хороший Павел Олегович артист, так похоже Елену Витальевну изобразил!

А Елена Витальевна обиделась, покраснела вся, надулась, как воздушный шарик, и убежала в зал.

Дети за сценой томились. Танцоры всё растанцовывались, певцы тихонько распевались, и Зарик тоже. Катя Славянова за кулисами всё настраивала скрипку. И плакала. До концерта к ней подошла Елена Витальевна и сказала: – Добилась всё-таки! Опозоришь школу своим пиликаньем!

И Катя была расстроена, но всё пиликала и пиликала. Свою украинскую народную песню «Прилетай, прилетай».

Рядом Валера Юрченко брэнчал по гитаре. Играть он почти не умел, но очень хотел выступить.

Тут за кулисы влетела Елена Витальевна, кинулась к звукорежиссёру Аркаше и страшным шёпотом закричала:

– Гимн города! Быстро!! Мэр входит!!!

Аркаша перепугался, нажал на какую-то кнопку, и вдруг вместо гимна зазвучала песенка из мультика про капитана Врунгеля:

Мы бандито, гангстерито,
Мы кастето, пистолето, о, йес!
Мы стрелянто, убиванто,
Ограблянто, то и энто!

И под эту песню в зал торжественно вошёл мэр со своей свитой.

Елена Витальевна влетела за кулисы с безумными глазами и страшным шёпотом заголосила:

– Аркаша, ты уволен!!! Что ты такое творишь? Быстро гимн!

Аркаша и сам, белый как стенка, лихорадочно нажимал на свои кнопки, ища гимн. Наконец вроде нашёл. Включил. И зазвучала торжественная музыка. Правда, мэр уже сидел. В первом ряду, в смысле.

Елена Витальевна вся красная выскочила на сцену к микрофону.

– Дорогие друзья! Дорогой наш мэр Игорь Леонидыч, директор Роман Григорьич, завучи, педагоги и ребята!

Откашлялась, раскрыла папку:

Сегодня день волшебный на дворе.

Учитель – это имя звучит гордо.

И вам, учителя, почёт и слава,

Стихи и песни, и концерт наш небольшой!

Глава 13. Бурные аплодисменты (продолжение)

Стихи эти Елена Витальевна написала сама, чем очень гордилась. Она вообще всегда писала для школьных праздников. Считала это своим долгом.

Профессиональным и человеческим.

И стали выступать ребята. Стихи читать. И песни петь. И танцевать под разную музыку. А Илюша Дементьев даже пантомиму показал. «Стеснительный клоун»

называлась. Клоун всё стеснялся, стеснялся, и всё воображаемые цветы собирал. А потом, наконец, собрал целый букет и бросил его как будто бы в зал. Учителям. Очень трогательно было. Если бы он в конце нечаянно не свалился со сцены. Прямо на директора. Слишком близко к краю подошёл. Увлёкся.

И Зарик спел про землю, где так много разлук. И про дедушку с его тараканами и сверчком. Хорошо получилось. В какой-то момент ему даже показалось, что тембр пошёл и «окошко» открылось, но тут же и закрылось. Сложная эта штука, тембр поймать. Прав Михал Иванович.

Ушёл за сцену под аплодисменты, весь трясущийся от переживаний и гордый. А там Елена Витальевна обмахивалась папкой. И говорила Кате Славяновой:

– Отлепись от своего инструмента хоть на секунду! Сходи мне воды принеси. Жарко, сил нет.

И добрая Катя побежала завучу за водой. А в это время на сцену вышел Павел Олегович с Валеркиной гитарой и сказал, что, как актёр и руководитель театральной студии, тоже хочет подарить учителям номер. И запел очень красиво. Оказывается, Павел Олегович умел петь. И на гитаре играть. Ну хотя да. На то ведь и артист, чтобы всё уметь.

Потом Сеня Пружанский показывал фокусы. С игральными картами ему Елена Витальевна не разрешила. У нас тут не Монте-Карло, сказала. И тогда Сеня вышел с кувшинчиком и верёвочкой. И говорит:

– Дамы и господа, сейчас вы увидите чудо! Сейчас я покладу эту верёвочку в этот кувшинчик...

– Положу! – простонала из зала Нина Карловна, учитель русского языка.

– Простите, положу... – смутился Сеня. Вот, уже ложу...

– Кладу!! – снова простонала Нина Карловна.

– Кладу-кладу, –; совсем смутился Сеня. – Итак, дамы и господа, верёвочка покладена!

– О-о-о... – простонала Нина Карловна.

– Положена! – быстро поправился Сеня. – Теперь я переверну кувшинчик, а верёвочка не упадёт! Волшебный кувшинчик будет её держать! Раааз, двааааа.... Три!!!

Сеня резко перевернул кувшинчик, верёвочка тут же выпала. А за ней из кувшинчика выпал шарик, который должен был удерживать верёвочку.

Зал засмеялся и зааплодировал.

– Аааа! Факир был пьяян, и фокус не удался, яфно вам, яфно? – услышал Зарик сквозь шум. Он осторожно выглянул из-за кулис. В зале сидели мама с Анатолием Степанычем. Мама странно покачивалась, и Зарик догадался: опять выпила.

Ему стало очень стыдно, и он подумал – хорошо, что уже спел...

После фокусника должна была выступать Катя Славянова.

– Готова? – спросил Павел Олегович.

Но Катя смотрела на него своими огромными глазами, снова полными слёз. В руках у неё была скрипка, а с корпуса скрипки, как мёртвая, свисала лопнувшая струна.

– Струна... Лопнула.. Что... Что теперь...делать?

Павел Олегович нахмурился.

– А без неё ты сыграть не сможешь?

Катя, рыдая, молча покачала головой.

– Так... Так. Ну, в другой раз выступишь... Бывает.

Катя ревела и мотала головой.

– Очень хочешь выступить?

Катя обречённо кивала.

– Так... Так. – Павел Олегович достал из кармана телефон и стал что-то быстро набирать, искать в Интернете. Нашёл. Вышел на сцену.

– Дорогие друзья! Небольшая накладка технического характера. Скоро концерт продолжится, а пока наша уважаемая завуч по воспитательной работе, Елена Витальевна, станцует вам тверк!

В зале рассмеялись.

Грузная Елена Витальевна, услышав за кулисами своё имя-отчество, машинально дёрнулась на выход, потом опомнилась.

– Какой тверк, Павел Олегович? – страшно зашептала вернувшемуся за кулисы режиссёру.

– Современный танец, Елена Витальевна. Ритмичные вращения попой. Мэру понравится.

И, схватив за руки Катю Славянову и Зарика, убежал.

Внизу Павел Олегович почти кинул секреташе Юлии Дмитриевне свой телефон:

– Юленька, солнышко, нам быстро-быстро надо распечатать вот это.

Юленька-солнышко быстро-быстро что-то распечатала. Это оказались частушки.

– Так. Зарик поёт хорошо. Катя пусть подпевает. А я подыграю.

И, снова схватив Зарика и Катю с двух сторон за руки, Павел Олегович полетел с ними, как на эскалаторе, на второй этаж – обратно на сцену.

На сцене в это время отдувалась Елена Витальевна. Тверк, конечно, не танцевала. Просто что-то рассказывала. Про успехи школы. И лично – завуча по воспитательной работе. Сколько кружков, и вообще. Даже театральный. Даже настоящего артиста из театра для этого пригласили. Будь он неладен.

Павел Олегович подлетел к Валере Юрченко, всё мучившему гитару, и говорит:

– Давай скорей гитару. Сейчас частушки будем петь.

– Ой, а можно я с вами?! – взмолился Валерка.

– А ты петь умеешь?

– Неа.

– Так. Так... – у Павла Олеговича в голове лихорадочно проносятся мысли. – Тогда будешь после каждой частушки громко говорить: «Эх!» Это сможешь?

– Обижаете! – улыбается во весь рот Валерка. Вот и у него талант нашёлся. Он может громко говорить: «Эх!»

Павел Олегович с гитарой, Катей, Зариком и Валеркой выскочили на сцену.

Елена Витальевна облегченно вздохнула, увидев их, и засеменила со сцены.

Получилось забавно, как будто воздушный шарик укатился.

– Частушки школьные! Дорогим учителям посвящаются! Исполняются впервые!

Нами!! ; громко и весело объявил Павел Олегович, и заиграл на гитаре, а Зарик с Катей, глядя в текст, который распечатала Юленька-солнышко, запели.

Точнее, Зарик запел, а Катя осторожно подтягивала:

– Начался учебный год,

Часики затикали.

А меня вопрос гнетёт:

Скоро ли каникулы?

– Эх! – это Валерка. Сам догадался, даже подсказывать не пришлось. Молодец какой. В зале улыбаются.

– Вова в школу опоздания
Объясняет просто:
«А учиться, Марь Иванна,
Никогда не поздно!»

– Эх! – это опять Валерка. Круто получается. Смеются в зале.

– В нашем классе все ребята
Любят отличиться:
Кто рисует, кто поёт,
Лишь бы не учиться!

– Ух! – это Валерка симпровизировал. Умница. Зал хохочет.

– Света мучила расчёску,
К школе делала причёску.
Мучила да мучила,
А получилось чучело!

– Их!!! – А Валерка-то в ударе. Тоже бы в театральный кружок ему.

Глава 14. Чай с печеньками

И, в общем, так они пели и пели. Пока частушки не закончились. И всё было очень даже неплохо. И даже у Кати слёзы почти высохли и она сквозь них улыбаться начала.

Проводили частушечников под аплодисменты и крики «Браво!»

Павел Олегович, весь мокрый от напряжения, отдал гитару Валерке и сказал:

– Молодец! Все молодцы! Вот и выступили. Вот и ладушки.

А потом концерт закончился. И директор сказал речь. И мэр сказал речь.

И было чаепитие. У каждого класса своё. И мама Зарика с Анатолием Степанычем тоже сидели в классе. И Зарик всё не смотрел на них. Всё стыдно ему было. Мама ещё, как выпьет, сразу им хвастаться начинает.

– Сыночек мой – певец, звезда, ещё в Большом театре петь будет, вот увидите! Весь в маму, талант.

А Анатолий Степаныч дурашливо поддакивал:

– Дааа... Тыковка моя, кочепыга... Всё тааак. Всё тааак. Мамочка талантлик, сыночек талантлик, яфно вам, яфно?

Скорей бы ушли!

А Валерка сидел возле Зарика и говорил:

– Терпи. Терпи. Она мама.

И Зарик терпел.

А потом мама с Анатолием Степанычем действительно ушли, пошатываясь и поддерживая друг друга, и Ольга Викторовна, самая чудесная классная руководительница, шепнула Зарику:

– Ты молодец. Умница. Всё хорошо. Всё наладится.

А ещё потом Зарик и Валера Юрченко шли из школы по домам. Валера гордо держал гитару наперевес, и говорил:

– Ничего так концерт. Хороший. И ты классно поёшь. И Катька молодец. Хоть и не сыграла. Знаешь... – он замялся. – Струна у неё на скрипке не сама по себе, кажется, лопнула.

– А как? – удивился Зарик.

– Ты только никому не говори. Это между нами. Елена Витальевна, когда Катю за водой отправила, к скрипке подошла и что-то там с ней делала. А потом Катя вернулась, она как отскочит от скрипки, а струна – лопнутая.

– Ого, – Зарику не верится даже. – Специально, что ли? Чтоб Катя не играла?

– Ну да. Она, видишь, как переживает за это... За допфинансирование. Ну, и мэр опять же. Чтоб не ударить в грязь лицом. А мы и так не ударили, правда?

И Зарик, проводив Валерку до дома, ещё долго шёл и думал. Как так. Зачем так. Разве так можно. И разве взрослые могут так делать. Но, значит, могут. Валерка врать не станет. Но ведь, как там Павел Олегович говорил. Ну, то есть, Достоевский. «Весь мир не стоит одной слезинки ребёнка». А для Елены Витальевны, получается, стОит. Допфинансирование же.

А потом Зарик пришёл домой, когда на улицах уже горели фонари и освещали осенний снег. Мама, пьяная, спала. Анатолий Степаныч тоже засыпал, клевал носом за столом с остатками рыбной закуски, и всё бормотал:

– Зарефлав... Вы... вы талант. Вам вфе дороги открыты, яфно? А мамочка устаааала. Мамочка спиииит. Тыковка моя, кочепыга. Кочепыыыжечка, яфно вам?

Глава 15. Беда

Мама с Анатолием Степанычем всё пили и пили. Мама уже не работала в своём клубе знакомств. «Надежда и компания» продолжала как-то жить без неё. Иногда звонил Рудик, солист ансамбля «Восьмая нота», спрашивал, когда мама вернётся. Но мама уже редко подходила к телефону. Отвечал Анатолий Степаныч:

– Аааааа... а вы кто? Кто вы есть? Назовите свои реквизиты, вам яфно? Вы фто хотите от мамочки? Мамочка спит, спииит, а вы Собакевичи. Не будите, яфно вам? Кочепыгу мою.

Однажды Зарик рано ушёл в школу (у них был нулевой урок), мама ещё спала. Вернулся днём, а Анатолий Степаныч в панике.

Только: «Аааа! Ааааа!» пищит. Что такое? И где мама?

Мама лежала на диване, лежала и смотрела на Зарика. Он наклонился над ней.

– Мам!

Мама то ли слышала его, то ли нет. Непонятно. Молчала. И смотрела на Зарика. У Зарика волосы на голове зашевелились.

– Мам, ты меня слышишь?

– Мууу. Маумуму... Мауму, – сказала мама.

Один глаз у неё был обычный, а второй почему-то сам по себе наливался кровью. А губы были зелёные.

– Почему у неё зелёный рот? – спросил Зарик в ужасе.

Анатолий Степаныч стоял рядом, с не меньшим ужасом смотрел на маму.

– Аааа... Аааа... А это потому фто! Потому фто я её кормил. Луком зелёным, вам яфно? Она профнулась вот так... И фто-то вот так говорила всё, говорила... А я не понимал... Думал, мовет куфать хочет.. Вот и накормил чем было!

– Мммм... – промычала мама. – Маумуу... Мууумазумау... – стала поднимать правую руку, но рука упала. А глаз всё наливался кровью.

Что делать? Что делать? Лихорадочно думал Зарик. Скорая. Да, надо звонить в скорую. Как там... Как их учили, какой там телефон экстренной помощи... 112. Да, 112. Зарик схватил телефон и набрал спасительные цифры. На телефоне высветилось в это время какое-то сообщение от Валерки Юрченко, но не до него сейчас.

Пока ждали скорую, Зарик, как ни страшно было, всё стоял возле мычащей мамы, держал её за руку, и, не зная, понимает она его или нет, всё-таки говорил:

– Потерпи. Всё хорошо будет. Сейчас доктор приедет. Всё сделает.

Анатолий Степаныч сидел на кухне и плакал:

– Мамочка! Угробилафь! Тыковка моя, кочепыга, пила-пила и допилафь! Нельзя же так, яфно вам, яфно?

Но, услышав про доктора, выскочил в комнату и грозно запищал:

– Вы фто, Зарефлав? Вы – фто?? В больницу хотите мамочку сбагрить? Её там залечут, укокошат! Знаю эти больницы!

Глава 16. Всё будет хорошо

Приехала скорая. Усатый доктор и с ним санитар. Доктор осматривал маму, а Анатолий Степаныч всё бегал рядом, мешал и вопил.

Сделали маме какой-то укол, от чего вдруг у неё сама по себе стала подниматься левая нога. «Судорога», – сказал врач, и вкололи ещё что-то.

Зарик смотрел-смотрел на это, а потом ужас почему-то ушёл. И ему стало казаться, что всё это сейчас происходит во сне. Или в кино. А в кино и во сне чего только не бывает. Только вот Валерка позвонил, вернул в явь. Зарик сбросил звонок...

– По всей вероятности инсульт, – сказал усатый доктор. – Шиша, готовь носилки. В больницу везём.

И санитар со странным именем Шиша побежал вниз по лестнице.

– Не дам!!! – вдруг крикнул Анатолий Степаныч не своим голосом и загородил маму, расставив руки. – Не дам тыковку в больницу!!! Эскулапы! Глуповы! Яфно вам?!

– Я тогда полицию вызову! – вдруг крикнул Зарик тоже не своим голосом. – Пьяница чёртот! Полиция тебя заберёт!

– Зарефлав Сергеич, вы фто это? Фто это? Как это? – закудахтал Анатолий Степаныч. Даже отчество Зарика вспомнил.

– Так, – сказал доктор. – Она поедет с нами. А с тобой, мужик, если не уймёшься, сейчас без полиции разберусь!

Потом два санитара укладывали маму на носилки, Зарик им помогал, как мог. А Анатолий Степаныч помогать принципиально отказался. Не хотел, чтоб везли маму в больницу. Сидел на кухне, опять плакал. Усатый врач сидел там же, на другом табурете. Курил.

– Фто делать? Фто же теперь делать? Фто будет с мамочкой? – причитал Анатолий Степаныч.
– С мамочкой не знаю, – говорил врач. – А вот тебе точно скоро кранты, если пить не бросишь.
– Аааа!!! Ааааа... а это не вафе дело, фто я пью, водку или молоко, вам яфно?
– Нам-то ясно. Нам всё с тобой ясно. С тобой медицина бессильна. – Усталый врач сплюнул в пепельницу, придавил плевком сигаретой.

Мама оказалась тяжёлой. Такой тяжёлой, что два санитар, и усатый врач, и Зарик не смогли её поднять и снести со второго этажа в машину. А Анатолий Степаныч помогать по-прежнему отказывался.

– ЗалЕчите тыкофку мою! Кочепыгу укокошите, Франкенштейны вы, яфно? – кричал он из спальни.

Тогда Зарик в панике стал стучать в соседние квартиры. В квартирах или никого не было (кто в школе, кто на работе), или были старушки, с которых всё равно толку никакого. Только бабушка Лида из сорок второй вышла, поохала. Наконец спустился дядя Юра Бахарев с третьего этажа.

– Что за шум, а драки нет? – спрашивает. Увидел – охнул, побежал помогать.

– Это вам повезло, что я на больничном! Спину потянул! – весело рассказывал дядя Юра, пока маму стаскивали вниз.

Наконец носилки с мамой задвинули в карету, дядя Юра Бахарев обнял Зарика и сказал:

– Держись, парень. Всё хорошо будет. С Маринки, как оклемается, бутылка. Так ей и передай. Зря, что ли, таскал.

– Шиша, романтик ты наш, что ты там в окошке увидел? Очаровательную незнакомку? Следи за больной. Фиксируй.

Шиша, белобрысый молоденький санитар, стал фиксировать жгутами маму на носилках. Чтоб не тряслась вместе с машиной.

Ехали-ехали. Недолго. Больница рядом. Всё рядом, городок-то маленький. Но Зарику казалось – очень долго. И всё смотрел, смотрел на маму. Мама не мычала уже, просто лежала. И смотрела в потолок машины одним глазом. Второй был уже полностью красный.

Дальше Зарик плохо помнил, что было. Вытащили кое-как маму из машины. Подоспели другие санитары из больницы. Подняли маму. В приёмный покой, потом ещё куда-то, ещё...

Потом на Зарика кричала седая докторша:

– Что смотришь, как телок? Переверни её! Её на кровать надо! Тупень!

И Зарик переворачивал, еле-еле переворачивал. Мама была тяжёлая. С носилок – на кровать в палате...

Глава 17. Добрая соседка

В этой палате лежало много других женщин и все они с жалостью смотрели на Зарика. Одна даже встала с кровати и, прихрамывая, стала помогать укладывать маму и укрывать.

Потом маме вкололи какой-то укол, она закрыла глаза и, может быть, заснула. А та женщина, которая помогала, села рядом с Зариком. Вместе смотрели на маму... И говорила:

– Меня тётя Ульяна зовут. Если что, обращайся. Если что надо. Лекарства там или вообще помочь. Отец-то как?

– Чей отец? – не понял Зарик.

– Ну, твой, – объяснила тётя Ульяна. – Муж её.

– Так это... Нет отца. Анатолий Степаныч есть.

И Зарик, сбиваясь и чуть дрожа почему-то, рассказал тёте Ульяне про всё. Тётя Ульяна слушала. Внимательно смотрела на Зарика, качала головой.

– Бедный мальчик, – наконец сказала, погладила его по голове. – Ничего, ничего. Всё образуется. Тут врачи хорошие. Главное, вовремя маму привезли. А у меня сын тоже тут работает, практику проходит. Если лекарства какие...

Слушай, а этого Степаныча нечего сюда пускать! Если придёт. Так и скажи на вахте Людке... Там Людка такая есть. Могучая. Скажи ей – мол, тётя Люда, никого к маме не пускайте, кроме меня. Понял?

В коридоре у палаты сидел белобрысый санитар Шиша. Смотрел на молодую девушку в больничном халате, сидевшую напротив и читавшую книжку. Зарик вышел из палаты. Врач сказал, что смысла нет так сидеть. Мама всё равно его не видит и не слышит. Приходи, мол, завтра. Когда положительная динамика будет.

Зарик сел рядом с Шишей и тоже стал смотреть на девушку с книгой.

– Переживаешь? – вдруг задумчиво спросил Шиша.

Зарик кивнул.

– Ничего. Починят маму твою. Как в школе дела?

– Да так, – сказал Зарик. Вот уж сейчас не до разговоров о школе ему.

– А девочка есть? – снова задумчиво поинтересовался Шиша.

Зарик совсем разозлился. Ну при чём тут сейчас школа и девочка? Опять вспомнил про Веронику... Совсем сник. Раз этот санитар такой дотошный, подумал, – тоже спрошу.

– А почему вас зовут Шиша?

– А, это... – вяло откликнулся санитар. – Шишаков моя фамилия. Куришь?

– Нет.

– Молодец. И не кури. Гадость ещё та. Вообще води здоровый образ жизни. Не кури и не пей. А то вишь как бывает.

Глава 18. Кто там? Баба Маша!

Тётя Ульяна на другой день сказала:

– Так нельзя. Надо кому-то сообщить. Я помогу, конечно, но меня не сегодня-завтра выпишут. А вот смотри. Вспомни, нет ли каких родственников ещё у тебя. Дедушек-бабушек нет, это я помню. Ну, а вдруг? Может, дяди-тёти?

И Зарик вспомнил. Была такая тётя. Почти бабушка. Но не мама его отца. Отца-то он совсем не помнит, тот ушёл, когда Зарику и года не было. А вот бабушка эта ещё какое-то время приходила. Даже колыбельную песню ему пела. Только он слов не понимал. Бабушка пела на коми языке. Но она вроде не настоящая бабушка, а какая-то двоюродная. То ли сестра отца, то ли кто. Но какая-то родня, в общем... Как её найти только?

Тётя Ульяна сказала:

– Есть у меня связи. Найдём. Да и по Интернету сейчас хоть чёрта лысого найти можно. Главное, имя-фамилию вспомни.

Ночью Зарик лежал один в квартире. Смотрел по привычке в окно. Анатолия Степаныча не было. Он сразу пропал, как маму в больницу положили. А может, он и ходил к ней в больницу, да могучая тётя Люда на вахте не пустила. Вот и обиделся. Ну и слава Богу, что нет. Только его сейчас и не хватало. В школу он сегодня не пошёл. Не было сил. Валерка рассказал Ольге Викторовне про то, что случилось. И Ольга Викторовна всё поняла, и даже сказала, чтоб обращался за помощью.

– И Катюха Славянова тебе просила передать, чтоб обращался. – сказал Валерка. – Уроки там, ещё что. У неё мама же учитель.

– Так она учитель в музыкальной школе. А по музыке у меня и так всё хорошо.

– Ну, мало ли... В общем, держись, брат! Мы с тобой. Да, и мои родки сказали, чтоб приходил к нам. Обедать и вообще. Если страшно, например, одному ночевать.

Валерка – настоящий друг. Стоит тысячи друзей. Но Зарику не страшно одному ночевать. Ему, наоборот, хочется всё время быть одному.

Он лежит и смотрит в окно противоположного дома. Смотрит и не понимает, спит или нет. А там всё ходят тени-люди, чёрные на жёлтом. Вверх-вниз. Вниз-вверх. Чёрные лестницы, чёрные люди. Взрослые, дети. О чём они думают? Что у них происходит? Может, у кого-то тоже мама болеет. А он и не знает. И они не знают. Живут люди и не знают друг о друге. А вроде рядом. Не знают. И не могут поэтому пожалеть друг друга.

Тётя Ульяна нашла бабу Машу. Баба Маша – старшая сестра отца Зарика. Она так прямо попросила её называть: «баба Маша». Приехала маленькая такая, бойкая.

– Это что, говорит, такое? Это почему ты молчал? Что ж ты делаешь-то?

– А что я делаю? – не понял Зарик.

– Ну, не сообщаем, какие дела творятся. Хорошо, Ульянка нашла. А ты почему не нашёл?

Ого, подумал Зарик, тётя Ульяна уже Ульянка. Крепко они с бабой Машей подружились.

– А что? Ничего такого, – скромничала тётя Ульяна. – Всего-то имя и фамилию ввела в «Одноклассниках». А фамилия-то редкая – Цымбаева. Ну, одной Цымбаевой написала, другой... А потом гляжу – и город наш, и фамилия подходящая. Так и нашла. Делов-то.

– Внуку моему написала, Славику, – уточнила баба Маша. – Говорит, а не твоя ли бабушка Мария Цымбаева, и нет ли у неё, например, ещё каких-нибудь родственников?

Баба Маша и тётя Ульяна сидели в палате возле мамы, пили чай. Баба Маша с сочувствием глядела на маму.

Мама всё лежала. Красный глаз то открывался, то закрывался. Положительной динамики пока нет, но скоро будет, уверял врач Максим Георгич. Делаем, мол, всё возможное.

– Маринка мне не чужая, – тихо говорила баба Маша. – Братец мой – непутёвый, а Маринку я всегда уважала. Только что-то к ней никто не приходит, смотрю. Где её эти... кого она там с кем знакомила в клубе своём?.. А? Вот так и бывает, сынок, – это она Зарику. – Так и бывает. Все вокруг тебе крутятся, а случись чего – никому ты и не нужен, кроме самых родных. Эх, Марина, Марина... Узнаёшь меня?

Бабушка Маша осторожно гладила маму по голове. Мама смотрела в никуда. Потом с огромным трудом перевела глаза на бабу Машу. Заслезилась. – Ой, ой, бедненькая! – запричитала Маша. – Плакает... Ну, раз плакает, значит, чего-то соображает. Есть шанс, как грится. Ничо, ничо, Маринка... – всё гладила маму баба Маша. – Завтра с утречка принесу инструменты, причешем тебя, умоем, всё как положено. Красавица будешь. Невеста. Ещё жениха себе тут найдёшь.

Шли с бабой Машей домой, утопали в осеннем снегу.

– А чего ж ты меня, совсем и не помнишь? – огорчалась баба Маша. – Я ж тебя вот такесенького на руках качала. Колыбельную пела. Ну, вспомни! И баба Маша тихонько и очень красиво запела. Запела на своём странном языке, на языке коми, совсем незнакомом Зарик. Но песня была очень приятная, успокаивающая такая. И в ней всё время повторялось слово: «овво». «Овво», «овво» – это всё равно как «баю-бай», догадывался Зарик. Он помнил, помнил. Просто стеснялся, и вообще не хотелось говорить.

На ночь баба Маша легла на полу.

– И-и-и, нет-нет, даже не думай, никаких кроватей мне не надо! Для поясницы самое то. Одеялко – и хватит. Холодновато у вас, конечно. Батареи бы поменять надо.

«Мне в холодной землянке тепло!», – вспомнил Зарик, как говорила мама, когда ей напоминали про батареи. И ещё вспомнил, как она говорила, что он талант, весь в неё. И про «товарищ Пестрецов, доверяю вам своего отпрыска. Чтоб не пил и не гулял». И много чего. И какой у мамы красивый голос. А теперь молчит, только мычит иногда или говорит что-то непонятное.

Глава 19. Стрижка и гости

На другой день баба Маша маму постригла. Зарик стоял рядом, смотрел. Тётя Ульяна готовилась на выписку, прощалась, обнималась с бабой Машей, совала Зарик. А Зарик стоял и смотрел на маму.

Пока баба Маша её стригла, мама иногда тихонько мычала. Пыталась поднять руку. А глаза её – один красный, другой пронзительно голубой, всё время уплывали куда-то вверх.

А потом врач Максим Георгиевич их с бабой Машей выгнал. Сказал, сколько можно на неё смотреть. Дыру протрёт. Вы б ей ещё маникюр сделали. Больной, дескать, покой нужен.

И Зарик с бабой Машей ушли. Баба Маша погладила маму по голове на прощанье. И Зарик осторожно погладил. Мама с трудом повела взглядом на него. И снова заслезился её голубой глаз.

Вечером в гости пришли Валера Юрченко и Катя Славянова. Принесли домашнее задание. Вместе сделали кое-как. Потом баба Маша им сказала:

– Хватит учиться, уже синие все от науки. Идите чай пить.

И пили чай с шаньгами. Шаньги – фирменное блюдо бабы Маши. «Настоящая наша, коми еда. Внучок мой Славик, бывает, как навернёт целое блюдо. Потом животом мается. А всё равно спасибо».

Шаньги и правда очень вкусные. Такие лепёшки с картошкой и творогом.

– А лука там нет? – с опаской спрашивает Валерка.
– Нет-нет, откуда лук. А ты что, лук не уважаешь?
– Уважаю, – говорит Валерка. – Но есть не могу.
– Учту, – успокаивает баба Маша. – Специально для тебя буду готовить без луку!
– И без капусты... – тихо говорит Катя.
– Ой, что за дети пошли! Лук не едят, капусту не едят. А где ж витамины брать? Из этих... Из чупа-чупсов ваших?
Потом играли в коми народную игру. «Пышчай» называется. Пышкой – это воробей. Зарик, Валерка и Катя встали в круг. А в центр круга встала баба Маша, закрыла глаза. И нараспев заголосила:

Прилетел к нам воробей,
И запел как соловей!
Эй ты, птичка, не зевай,
Кто мяукнул, отгадай!

И ребята по очереди мяукали. А бабе Маше, открыв глаза, нужно было угадать, кто именно мяукнул. Правильно угадала – стала в круг. А кто мяукал и кого раскусили – теперь становится в центр. Закрывает глаза и уже сам должен отгадывать, кто мяукнет.

Ну, Зарик и Валерка одинаково мяукали, мужчины же, и голоса похожи. Поди пойми, кто из них кошка. А вот Катю легко было раскусить. Её чаще других и раскусывали, и она всё время в центр поэтому выходила.

Игра для маленьких, конечно, но всё равно забавно.

– Крутая у тебя бабушка, – шепнул Валерка Зарику, когда все всех по десять раз угадали и отдыхали.

Потом баба Маша объявила концерт. Села на диван и зааплодировала.

Первым вышел Валерка. Рассказал анекдот:

– Вовочка такой с урока английского выходит. В столовую идёт, такой важный. И говорит:

– Мне чай энд пирожок... Ничего, что я по-английски?

Все посмеялись. У Валерки с английским не ладится, про него анекдот. Хоть он и Валерка, а не Вовочка.

Потом Катя играла на скрипке. Она её с собой принесла, прямо из музыкальной школы. «Прилетай, прилетай». Украинскую народную песню. Сбивалась опять, но всё-таки доиграла до конца. И даже поклонилась смущённо. А потом Зарик пел про жизнь без весны. Пел и грустил. Про маму думал. Да и про Веронику, чего уж там... А потом баба Маша тоже пожелала спеть.

И запела своим тихим, красивым голосом старинную коми песню. И ребятам прямо увиделось – огромная, бескрайняя тундра. Чумы стоят, олени бродят... И маленькая баба Маша. Ещё девочка. Вся закутанная с головы до ног, чтоб не заболеть на морозе. Ходит по тундре, поёт песенку. Своим детским ещё, но уже таким красивым голосом... А ночь надвигается. И полярная звезда на небе зажглась. И олени поводят ушами. И Валерка вдруг вспомнил ещё один анекдот. Про оленя. И рассказал.

Вовочка спрашивает у мамы:

– Мама, вот у жирафа есть рога. Разве он не олень?

А мама отвечает:

– Не обязательно. Посмотри на нашего папу. У него рога, а он же не олень. Он

осёл.
Баба Маша очень смеялась...
А ночью мама умерла.

Глава 20. Колыбельная для взрослых

Кто-то рано утром позвонил Зарику. Зарик телефон схватил, а там молчат. Он: «Алло, алло!» А там молчат и молчат. И дышат. Он тогда бабе Маше трубку передал. Она уже давно не спала, на кухне возилась. Бабе Маше что-то и сказали. А баба Маша молча отдала телефон Зарику. И Зарик по её глазам вдруг всё понял. Но не знал, как реагировать. Не мог осознать. Он понимал, что произошло сейчас что-то такое, что навсегда изменит его жизнь. И как она дальше пойдёт, и что будет, непонятно. И, наверное, надо сейчас горько заплакать. Но не плакалось почему-то. Ни горько, ни сладко.

А баба Маша, притянув к себе Зарика, глядя его одной рукой по голове, другой набирала номер за номером. Внуку своему Славику позвонила, что задержится ещё, и много кому звонила и звонила. И тётке Ульяне даже. И сказала ей:

– Какой детский дом, ты что, Ульянка? Опекунство оформлять буду. При живой-то бабке. Какие детские дома.

Было воскресенье. Валера Юрченко, наверное, ещё спал. И Зарик целый день сидел в комнате. Сидел и ходил. И опять сидел. И опять ходил. А баба Маша всё звонила кому-то, всё приходила и возвращалась.

Вечером сказала Зарику:

– Всё на себя беру. Отцу твоему непутёвому ни слова. Толку с него. Только новый повод для пьянки. Ты, главное, держись, сыночек.

И когда наступила ночь, первая ночь без мамы, Зарик всё лежал, и опять смотрел в дом напротив, на людей-теней. Пришла баба Маша, села рядом на кровать.

– Ну что, сиротка? – и хлюпнула носом. – Всё смотришь, смотришь глазами своими совушкиными. Вот и у Марины такие глаза были... Эх. Завтра пойдём в больницу серёжки забирать. И личные вещи. Георгиевич сказал. Тоже мне, врачи. «Ждём динамики, ждём динамики...» Тьфу. Вот и дождались.

И запела. Запела ему колыбельную. «Овво», «овво». Как в детстве. Как «баю-бай». Тихо, нежно, спокойно. И Зарик подумал, что вот сейчас наконец-то заплачет. Но снова не заплакал. Только решил, что у бабы Маши правда очень красивый голос, и что наверное он не только в маму талант, но и в неё немножко.

Утром шли в больницу с бабой Машей, забирать мамины вещи. А потом все дни Зарик не помнит. Приходила их классная, Ольга Викторовна, Валера, Катя... И снова Катя и Валера, и снова Ольга Викторовна. Давали деньги и разные советы. Один раз даже тётя Ульяна пришла. Сказала, что денег много дать не может, зато у неё знакомый на кладбище работает. Можно договориться, могилу подешевле чтоб. «А крещёная была? Отпеть бы...» – спохватилась тётя Ульяна. «Договоримся», – важно сказала баба Маша.

Глава 21. Баба Маша разбушевалась

Маму хоронили, когда осень совсем превратилась в зиму. Кладбище утопало в снегу. Народу было мало. Холодно. Зарик, да баба Маша, да мамин знакомый дядя Дима-плотник, которому мама когда-то помогла найти вторую половинку. В своей «Надежде и компании». Да ещё какие-то мамины знакомые. Несколько штук.

Баба Маша наготовила поминальных пирожков. Зарик вяло жевал их у могилы. «Сказать, сказать надо...» ; зашептали вокруг. И все посмотрели на бабу Машу. Баба Маша приосанилась. Висморкалась деловито. Откашлялась. Подошла к гробу. Что-то сказала важно. Зарик не понял, что. Не мог никак вслушаться. Всё расплывалось в голове. Но слёз по-прежнему не было. Зато недалеко, на соседнем холмике, кто-то рыдал. Сперва тихо, как комарик жужжит, потом всё громче и громче. Зарик наконец заставил себя поднять голову, вынырнуть из тумана.

На холмике сидел Анатолий Степаныч.

– Ааааа... Мамочка.... Мамочка – всё... Тыкофка моя, кочепыга... Кочепыжечка, яфно вам?.. Яфнаааааааа?! Нет больше тыкофки моей, ааааа, ааааааа!

Он, как всегда, был пьян. И даже в горе оставался дурашливым.

Баба Маша подошла к нему, сказала строго-строго, Зарик и не подозревал, что она таким голосом тоже может говорить:

– Чтоб и близко тебя на поминках не было! Мальчику жизнь сломал, мать погубил! Дерьмо!

– Ааааа! – ревел Анатолий Степаныч. – Вы Глуповы, Глуповы! Я мамочку не губииил... Мамочка самааа... Тыкофка моя, кочепыга. А вам нет дела, фто я пью – водку или молоко. Яфно вам? Яфно?

– Ясно нам, ясно, будь ты проклят! – пожелала баба Маша.

– Проклинааайтеее... Собакеевичи... Только помянуть дайте. Имею право!

– Здесь и поминай. А на поминках увижу – убью.

Глава 22. Жил да был сынок у мамы

И были поминки в столовой «Юность». Баба Маша с тётей Ульяной договорились. Рудольф Андреич, солидный такой, директор кафе, всё организовал «по высшему разряду», как он сам выразился.

Стояли столы, а в центре их – мамин портрет с чёрной лентой наискось. На портрете она была совсем молодая и красивая.

Вспоминали маму, пили водку, ели кутью. Баба Маша сидела рядом с Зариком и держала его за руку. Что-то напевала ему тихонько в ухо.

И Зарик не выдержал и тоже, потихоньку от бабы Маши, хлебнул водки. И сразу закололо всё внутри, загорчило, как тогда, на школьном концерте к Первому сентября... И он, сам не понимая почему, встал и начал петь. Ту песню, которую так любила мама. Сперва тихо, потом громче и громче:

Жил да был сынок у мамы,
Славный маленький буюн.
Любопытный и упрямый,

И весёлый мальчуган.
То он влезет на окошко,
То на улицу уйдёт,
То штурмует храбро кошку,
То синяк себе набьёт.

Взбудоражит целый дом,
Всё поставит кверху дном.
Говорила часто мама,
Наблюдая за сынком:

«Ах, малыш, малыш,
Ты опять шалишь,
Ты опять шалишь, мой малыш!
Вот попробуй, поди,
За тобой уследи,
Ах, какой ты бедовый, малыш!»

А потом в этой песне «пролетели быстрокрылые года», и малыш
вырос и стал бравым лётчиком, и прилетел к маме. И вот –

Поднимает мать сынок
На руках под потолок...
В этих случаях бывает
Голос мамы очень строг:

«Ах, малыш, малыш,
Ты опять шалишь,
Ты опять шалишь, мой малыш!
Забываешь, что мать
Не умеет летать...»

И вдруг Зарик заревел. Не смог закончить песню. Ревел всё громче, на всё кафе, и тоска смешивалась, как ни странно, с совсем неуместной радостью: открылся тембр! То самое «окошко» зазвучало, как у настоящего оперного певца. Был бы здесь Михал Иванович, вот бы похвалил его сейчас. Но какая неуместная мысль!.. И всё-таки – классно. Будто мама, уйдя, отдала ему свой голос и подарила этот самый, такой долгожданный, тембр. Но только... Опять эта страшная сила пригибает к полу... Аааах ...

– Кто ему водки налил? Идиоты!
– Успокойте, успокойте!
– Воды!
– Закусить ему!
– Где Андрей Рудольфович?
– А он-то зачем?

«Ах, малыш, малыш,
Это ты летишь,
Это ты летишь, мой малыш.

Ты до неба дорос,
Ты достанешь до звёзд,
Дорогой мой, любимый малышшшшшшшш!»

- Скорую! Звоните в скорую быстро! У него – припадок!
- Ах ты, маленький, Господи, эпилепсия, что ж ты молчал, баба Маша дура!..

Глава 23. Последняя ночь

Ночью Зарик разблокировал Веронику Красину. Долго смотрел на её рыжие лисичкины фото. С тем мальчиком. И стал писать. Написал, что мама умерла. И что очень плохо ему. И что извини, что заблокировал. Просто очень больно, когда вот так замолкают. А теперь ещё больнее. Теперь он совсем один. Только баба Маша. Но она завтра уедет. Внук Славик больше не может ждать. И разные дела по хозяйству... Но потом вернётся, часто будет приезжать. Будет его опекуном. Чтоб в детский дом не забрали. И вообще, пиши, хоть иногда. Хоть два слова. И песенки присылай, я так люблю слушать, как ты поёшь. Утром достал телефон, смотрит – ответила Вероника! Заколотилось сердце. Всё перечитывал и перечитывал одно это слово: «Сочувствую». И даже в маленькой ошибке, в пропуске буквы «в», была такая прелесть... «Спасибо!!!!» ; хотел ответить, но не смог. Не написать теперь Веронике никак. «Пользователь ограничил круг лиц, которые могут писать ему сообщения». Видимо, на Зарика и ограничил. Ну, и ладно. И хватит. Да.

Глава 24. Анатолий Степаныч

– Аааа.. Аааа. Аааа вот фто. Вот фто, Зарефлав. Вы меня считаете этим... Одним из виновников. Но и вы виноваты, яфно вам? А фто вы думаете? Мамочку любить надо было, следить за ней. Я фто? Я пьяница. Хотя теперь всё. Больше не пью. Мне надоело. Но вы – тоже Глуповы. Видели, фто мамочке всё хуже? Надо было в больницу. И не слушать меня, дурака. А то вот, довели. И не фмотрите на меня с осуждением. Глазами вашими огромными. У мамочки такие же глаза были, у тыквочки моей... Аааааа! Вы думаете, я от хорошей жизни пить начал? От хорошей не начинают. Я, между прочим, если хотите знать, на филологию поступал. Литературу обожал. Салтыкова-Щедрина. Гоголя. И вфё такое. А тут – армия. Забрали. Служил, где подводники. И погибли ребята на подводной лодке. Много-много. Но говорить нельзя было. Я их вытаскивал, трупы вытаскивал, мёртвых. Совсем молодые, мальчишки, вытаскивал... А они у меня в руках на кусочки рассыпались. А мне сказали: «Толик, молчи, всё засекречено. Не вздумай кому». Я и подписку дал. И вот помню, тащу эти трупы, тащу, один за одним... И горько мне так. И думаю – вот, балыки им там жрать дают, на подводной лодке, икру чёрную... Аааа... Аааа чтоб безопасность там обеспечить, это нет. А погибнут – и не скажи никому... Вот тебе, говорят, Толик, водка, вот ещё водка. Пей, гаси стресс... Только молчи. Вот и пью. С тех пор и пью, ааааа! Ааа не могу остановиться. И забыть не могу, как ребят тащил. Молодой там был

совсем, Лёня Капитанов, и фамилия-то какая... Всё служить мечтал... Подводником. Девушка у него была, беременная, яфно вам, яфно? Ей рожать, а папы-то у ребёночка и не будет... С тех пор и пью. Но теперь всё. Мне надоело. А вы заходите, Зарефлав. Сын тыковки моей. Кочепыги. Я теперь часто тут. Я в ЖЭКе теперь. Вот, на объекте. Тут и колупаемся. Выпить хотите? Аааа, нельзя же вам. Ну ничего. Это ничего. И я больше не пью. Мне надоело, яфно вам? А нос не вешайте. Знаю про вашу любовь. Мамочка рассказывала. Всё про вас знала. Любила вас, ааааа... Бросьте вы это. Пианисток этих. Была у меня тоже пианисточка. И фто? И нифего! Я тогда служил после подводников как раз. Недалеко тут, на посёлке Советском. Завскладом был. Ну, как что – все ко мне. Толик то, Толик это. Попробуй не спиться. Если все напиваются... Напивают, то есть. Завскладом – дело такое. А если ещё и те ребята, подводники, всё перед глазами. И Лёня Капитанов. Как несущего его, а он в руках рассыпается... Ааааа....

И вот однажды Новый год. И говорят: Толик, ты высокий, красивый, будешь Дед-Морозом. Для детей наших утренник делаем. Утренничек, ааа... Вот тебе борода, вот шапка, вот тулуп. Генерал, как есть генерал, яфно? А девчонка-пианистка – музыку делала. На утреннике. Играла. Песенки пела. И голосок тоненький, аж до мурашек. Бабы-то в части всё больше грубые. А тут тоненький. И сама тоненькая. А я Дед Мороз. И вот рете... репе... репетировали мы с ней. И втюрился я, яфно вам? А она – не из космоса же. У неё муж тут же, прапорщик Герка Савчин. Фто делать? И ей прапору не изменишь, и мне с ним ссориться неохота. Вот таконьки мы репетируем перед утренником, встречаемся каждый день, и грустно прощаемся. Она тоненькая, я в бороде. И вот – утренник. Играет она на пианине, детишки Дед-Мороза ждут, я выхожу под «В лесу родилась ёлочка».

– Угадайте, говорю, детишки, кто это я?

– Завскладом Степаныч, – говорят детишки. – Ну ты и бороду напялил! А где Дед Мороз?

Не вжился, значит, в образ. Не обманул военных детишечек. Бдительные. Ну ладно. Попели, поплясали, стишки почитали, подарки раздал.

Ну, и пьянка, конефно. После утренничка. Прапорщик Герка Савчин в зюзу насандалился и спит. А мы, значит, с девчонкой той, пианисточкой, пьём винцо потихонечку. Пьём и грустим, грустим и пьём. А фто делать? Ну, изменит она ему – и фто? Уйдёт ко мне. И как? Новую жизнь я ей дам? Всё та же военная часть на Советском, яфно? Всё тот же прапорщик Савчин. Только ещё злее. Всё тот же Север, та же нищета. Та же пьянка. И те же утренники по Новым годам. Ничего. Так смысл тогда огород городить, что ж мы, совсем Глуповы, фто ли? И обнялись мы с ней, и рефили любовь нафу похоронить. Будто и не было ничего.

Вот таконьки, яфно вам? И про ребят утонувших не скажи, и про любовь не скажи... А я, может, в душе писатель. Я, может, Гоголь. Салтыков-Щедрин. А они все Глуповы. Им бы только чтоб чего не вышло. И пьёшь. Пьёшь и пьёшь. Ну, вот так и в отставку вышел. Сажу дома, пью. А скуфно одному, яфно вам, яфно? А тут мамочка ваша. С клубом своим. Тыковка моя, кочепыга, ааааа! Простите, Зарефлав, плачется мне... Плачется как девчонке. А вы Глуповы. Одним из виновников считаете, конефно... Осуждаете, глазами своими тыкофкиными глядите...

А вот Новый год на днях. И фто? Опять одному сидеть. И вспоминать тех ребят мёртвых, подводников, и Лёню Капитанова, и ту девчонку-пианисточку. Как

звали-то её? То ли Вера, то ли Вика... Аaaa, и мамочку вашу вспоминать. Но – пить не буду. Чефтное флово! Яфно вам? Мне надоело.
А вы заходите, Зарефлав. Чайку попью. С зефиром. Тут много зефиру разного, в ЖЭКе. Я теперь тут и работаю. У кого воду прорвёт, у кого чего. Так прямо и приходите. Где Анатолий Степанович, мол? А я вот тут он. Яфно вам? А мамочку жааалкоо... Кочепыгу мою... Кочепыыыгу. Аaaaaaaa. Аaaaaaaa.

Глава 25. Дамы приглашают кавалеров

Перед новогодними каникулами – школьный бал. Ольга Викторовна с девчонками нарезали разных гирлянд, мальчишки шарики надули. Художник Сашка Коротаев плакат нарисовал: «С Новым годом!» Ну, то есть «С Новым годом!» Просто он сперва ошибся, как всегда.

Кто-то принёс диск с весёлой музыкой. Ну, и чай пили. Со сладостями. А когда пришло время танцев, все засмущались. Ольга Викторовна схватила тогда Валеру Юрченко и говорит:

– Будешь моим кавалером, а там и другие подтянутся.

Ну, бедный Валерка и стал кавалером. Плясать стал с Ольгой Викторовной. А не умеет. Ногами туда-сюда дрыгает под музыку. Смешно получается. Свет погасили, только ёлочка в центре класса фонариками горит. Ну, и потихоньку раззадорились. В темноте не так стеснительно. Стали девчонки выходить плясать, и Сашка Коротаев чего-то там подёргиваться.

Тут Павел Олегович пришёл. А Валерка как раз гитару папину опять притащил. Спел Павел Олегович очень смешную песенку. Про пьяного Деда Мороза. Как он приходит в детский сад на утренник. И от смеха все совсем расхрабрились. И музыку Павел Олегович веселую на диске нашёл. В общем, закрутилась пляска.

Потом Павел Олегович говорит:

– А теперь, господа, белый танец. Дамы приглашают кавалеров!

Зарик сидел всё, эклер мучил. Какие уж танцы ему. Когда мама умерла ещё совсем вот недавно. И все это понимали, и к нему не приставали. Только когда Павел Олегович белый танец объявил, подошла к Зарику Катя Славянова. До этого тоже не плясала, в углу сидела. Подошла, покраснела, посмотрела исподлобья своими большими глазами на него. А он – на неё. Тоже своими большими. Встретились их большие глаза – и тут же спрятались опять.

– Приглашаю, – тихо говорит Катя Славянова.

Ну, Зарик встал. Неудобно девочке отказывать. Не отходя от стола, стали чего-то плясать. Она ему – руки на плечи. Он её – за талию осторожно. Ну, раз так положено.

Двигались медленно, и музыку Павел Олегович нашёл такую медленную, приятную. Вроде новогодняя, а такая... Задумчивая.

Валерку Юрченко опять Ольга Викторовна пригласила. Снова смешной танец получился. Валерка топтался усердно, как мог, но с ритма сбивался. И Ольга Викторовна его за плечи направляла.

Ленка Крылова пригласила Сашу Коротаева. Страшно тоже смущаясь. Она тоже художник, даже в школе художественной учится. Есть им о чём поговорить в танце. Ну, а так – кто кого. А кто и один плясал. С воображаемой дамой. Или с воображаемым кавалером.

Зарик с Катей всё двигались медленно под эту медленную музыку. А потом

вдруг музыка резко остановилась, и ёлочка погасла. Темно стало в классе.
– Опять электричество в районе отключили, – объяснил Павел Олегович. –
Здравствуй, попа, Новый год.
Все рассмеялись. И стали собираться по домам. С трудом отыскивали в
темноте свои пальто, подсвечивая телефонными фонариками.

Глава 26. Дом напротив

Вышли на улицу Зарик, Катя и Валерка. Холодно... Настоящий новогодний
заполярный мороз. Шли молча. Потом Валерка резко попрощался и нырнул во
тьму. И Зарик с Катей пошли вдвоём.

Так и дошли до двора Зарика. Надо прощаться. Теперь – каникулы новогодние.
И встретимся только через две недели. Катя стоит, смотрит на него. И он на
неё. Надо что-то сказать. Неудобно.

– Смотри, – говорит Зарик. – Видишь дом напротив?

– Ага... – говорит Катя. – Я в нём живу.

– Да ты что! – удивлён Зарик. – А почему я тебя тут никогда не видел?

Катя пожимает плечами.

– Ну и вот, – продолжает Зарик. – Я, когда спать ложусь, смотрю на окошки
этого дома. Где лестница. А там, понимаешь, – люди ходят, такие чёрные, одни
тени. Туда-сюда. Вверх и вниз. И лампочка весь коридор жёлтым освещает. И
они ходят и не знают, что я их вижу.

А в нашем доме тоже ведь так по лестницам ходят вверх-вниз, и не знают. Не
знают, что из вашего дома на них тоже кто-нибудь, может, смотрит по вечерам.

– А почему ты не спел на празднике? – вдруг спросила Катя. – Я так люблю,
когда ты поёшь.

Посмотрела на Зарика – и осеклась. До песен ли ему, когда мама...

– Ещё спою! – улыбается Зарик, чтоб сгладить неловкость.

– А про тени я и сама думала, – говорит Катя. – Лежу перед сном, думаю,
смотрю – вот, ходят... И скрипка в голове звучит. Что-то такое... Фантастическая
музыка какая-то. Прикольно, да.

И снова замолчали.

Катя, наконец, легонько дотронулась до его руки.

– Ну, пока... Мама говорит, ты заходи. Не обязательно за уроками. На
каникулах тоже заходи. Седьмая квартира.

– Спасибо.

И пошли. Зарик к себе домой, а Катя к себе. В дом через дорогу.

А дома Зарика уже ждала баба Маша:

– Славик меня отпустил, хо-хо! Говорит, езжай, баба. Зареславу важнее. У него
мамы нет. А у меня, говорит, есть. Да там такая мама... Ну её. Все мозги моему
Виталику выпотрошила. И мне заодно. Я уж лучше тут. На праздничках. Это
вот... Отец тебе просил передать. Братец мой непутёвый. Купи себе что-нибудь
на праздник. – Протянула пятьсот рублей Зарику. – Есть ёлочка-то? Нет?
Ладно, сходим завтра на базар, купим. Я у вас и игрушки тут нашла. Наряжать
чтобы.

Глава 27. Концерт в Большом театре

– Вот, мам, и каникулы у нас. Новогодние. Мороз такой... А я к тебе пришёл всё равно. Я очень по тебе скучаю. Очень. «Марина Абашева – и годы жизни...» Вот и всё, что мне от тебя осталось. На памятнике и вообще. Нет, ещё много осталось. Много помню. Как ты любила меня, и жалела. И всегда хотела помочь. Только не знала как. А я тебя в могилу не хотел вгонять. Это правда не я. Но ты меня прости. Прости всё равно.

У меня всё ничего... Учусь вот. Не очень хорошо, но Катя с Валеркой помогают. И Ольга Викторовна особенно не спрашивает. Спасибо ей тоже... Нет-нет, я не замёрз совсем. Это я так трясусь. Просто.

Ты хотела, чтоб я большим певцом стал, и в консерваторию поступил. Обязательно стану и поступлю. Не получится в консерваторию, так ещё куда-нибудь в музыкальное. Я уже твёрдо решил. Будет у меня концерт, может, даже в Большом театре, как ты хотела. И я его тебе посвящу. Даже не сомневайся.

...Дрожит Зарик. Холодно на кладбище и пусто. Кому ещё придёт в голову ехать сюда через весь город. В такой мороз, да ещё в новогодние праздники.

Зарик достаёт из кармана маленькую водку. Баба Маша привезла несколько таких бутылочек. Для гостей, если будут. А он нашёл. Нельзя пить, конечно. Но надо помянуть. Это обязательно. Глубокий решительный вздох – и водка обжигает горло. И горечь, невероятная горечь во рту... Это надо пережить, глубоко подышать. Теперь полегче... Да, да, так полегче.

Мама, мамочка... И льются слёзы, и поёт Зарик тихонько сквозь них:

«Ах, малыш, малыш,
Ты опять шалишь.
Ты опять шалишь, мой малыш.
Забываешь, что мать
Не умеет летать...
Ах, какой ты бедовый, малыш!..»

Проклятая водка. Если б не она, и мама была бы жива. Зарик переворачивает бутылку, водка льётся в снег.

Дальше – бешеная сила рвёт его на части. Швыряет в снег. Кричит из его рта криком страшным и пронзительным.

Помнит потом: лежит на снегу, и кто-то пытается его поднять. Кто это? Катя.

– А я увидела... Увидела тебя из окна. Что идёшь куда-то. В такой мороз. Пошла вот за тобой. В автобусе даже ехала. А ты меня и не видел. Ну да, я пряталась же.

– Катя... Спасибо... Я это... Я забыл таблетку выпить с утра. Мама раньше напоминала. А теперь иногда забываю. А тут ещё и водка эта...

– Вставай, осторожненько... Давай. Брр, холодно как. Держись за меня, пошли на остановку...

Ехали рядом в пустом, тёмном автобусе. Недовольный водитель (в Новый год все отдыхают, а ему работать, даже ради двух каких-то сопляков!) включил что-то такое тюремное. Про зону и – опять про маму.

Зарик чувствует Катину руку на своей руке.

Выходят на своей остановке, темным-темно. Одна полярная звезда сверху, но совсем ничего не освещает. Идут по снегу, хрустят. Прощаются у Катиного подъезда. Рука в руке. И большие глаза смотрят друг на друга почти без смущения. В темноте смотреть друг на друга легче. И прощаться легче.

Ночью Зарик снова не спит. Баба Маша тоже не спит, всё возится на кухне. Зарик смотрит на дом напротив. И знает, что и Катя там тоже смотрит. На его дом. И люди-тени ходят для них двоих. И звучит в голове «Прилетай, прилетай!», та песня народная украинская, которую Катя играет-играет, и всё сбивается, но однажды не собьётся, обязательно:

Повертайся, ластівко,
До двора, до двора,
За весною скучила
Дітвора, дітвора.
Скоро вже повернуться
Журавлі, журавлі.
Скоро підем босими
По землі, по землі.
Скоро вже повернуться...

Прилетай, прилетай, ласточка! Скоро уже вернутся журавли, скоро пойдём босыми ногами по земле. Возвращайся, ласточка, дети соскучились по весне!

...В этот город весна придёт ещё не скоро. Это зимний город, очень-очень северный. Придёт не скоро. Но – обязательно придёт. И ласточка возьмёт и прилетит.

Октябрь 2018, г. Хайфа